

ОТ БЕСПОРЯДКОВ К ДЕМОНСТРАЦИЯМ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ 1870-Х ГГ. РОССИЙСКИМИ ВЛАСТЯМИ

Алексей Андреевич Рубцов

Санкт-Петербургский институт истории РАН
7 Петрозаводская ул., Санкт-Петербург, Россия
Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
arubtsov@eu.spb.ru

Аннотация: В статье рассматривается формирование представлений имперского чиновничества о революционном движении 1870-х гг. Вопрос исследуется через призму отношения следственных органов к массовым политическим акциям. Последние стали относительно новым и поэтому во многом неожиданным для властей явлением в политическом пространстве Российской империи. В связи с этим формирование единой стратегии по отношению к подобного рода выступлениям сопровождалось чередой споров и конфликтов между вовлеченными в расследование ведомствами. Автор разбирает позиции чинов прокуратуры, получившей новый статус после реформы 1864 г., с одной стороны, и полицейских чиновников — с другой. Особое внимание уделено выяснению роли прокуроров в формировании государственной политики в отношении левого радикального движения, так как в условиях реформированного судопроизводства усиливалось значение законности как важного фактора имперской политической системы. В заключении делаются выводы о том, что конфликт ведомств, занимавшихся обеспечением общественной безопасности, возник в ситуации, когда появились различные трактовки радикального протестного движения и возможность относительно легальной борьбы мнений во власти. При этом конфликт между двумя институтами власти оказывался одновременно поиском компромисса, который бы устроил обе стороны.

Ключевые слова: массовые политические преступления, беспорядки, следственные органы, российская бюрократия.

Для ссылок: Рубцов А. От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических выступлений 1870-х гг. российскими властями // Антропологический форум. 2020. № 44. С. 114–138.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-114-138

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/rubtsov.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 44

FROM UNREST TO DEMONSTRATIONS: THE POLICY OF THE RUSSIAN AUTHORITIES REGARDING MASS POLITICAL ACTIONS OF THE RADICAL YOUTH OF THE 1870S

Aleksei Rubtsov

St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya Str., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
arubtsov@eu.spb.ru

Abstract: The paper discusses the formation of ideas of the imperial bureaucracy about the revolutionary movement of the 1870s. This issue is being investigated through the prism of the attitude of investigative bodies to mass political actions. These acts were a relatively new phenomenon and therefore largely unexpected for the authorities in the political space of the Russian Empire. In this regard, the formation of a unified strategy in relation to such manifestations was accompanied by a series of disputes and conflicts between the departments involved in the investigation. The author analyzes, on the one hand, the positions of officials of the prosecutor's office—which earned a new status after the reform of 1864—and police officials on the other. Particular attention is paid to elucidating the role of prosecutors in shaping public policy regarding the radical movement, since the importance of legality as a factor in the imperial political system has been strengthened in the context of reformed proceedings. In the end, the study concludes that the conflict between departments involved in ensuring public security arose in conditions when a largely legal struggle of opinions in power became possible. Moreover, the conflict between the two institutions of power turned out to also be a search for a compromise that would suit both sides.

Keywords: mass political crime, unrest, investigative authorities, Russian bureaucracy.

To cite: Rubtsov A., 'Ot besporyadkov k demonstratsiyam: interpretatsiya massovykh politicheskikh vystupleniy 1870-kh gg. rossiyskimi vlastyami' [From Unrest to Demonstrations: The Policy of the Russian Authorities Regarding Mass Political Actions of the Radical Youth of the 1870s], *Antropologicheskij forum*, 2019, no. 44, pp. 114–138.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-44-114-138

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/044/rubtsov.pdf>

Алексей Рубцов

От беспорядков к демонстрациям: интерпретация массовых политических выступлений 1870-х гг. российскими властями

В статье рассматривается формирование представлений имперского чиновничества о революционном движении 1870-х гг. Вопрос исследуется через призму отношения следственных органов к массовым политическим акциям. Последние стали относительно новым и поэтому во многом неожиданным для властей явлением в политическом пространстве Российской империи. В связи с этим формирование единой стратегии по отношению к подобного рода выступлениям сопровождалось чередой споров и конфликтов между вовлеченными в расследование ведомствами. Автор разбирает позиции чинов прокуратуры, получившей новый статус после реформы 1864 г., с одной стороны, и полицейских чиновников — с другой. Особое внимание уделено выяснению роли прокуроров в формировании государственной политики в отношении левого радикального движения, так как в условиях реформированного судопроизводства усиливалось значение законности как важного фактора имперской политической системы. В заключении делаются выводы о том, что конфликт ведомств, занимавшихся обеспечением общественной безопасности, возник в ситуации, когда появились различные трактовки радикального протестного движения и возможность относительно легальной борьбы мнений во власти. При этом конфликт между двумя институтами власти оказывался одновременно поиском компромисса, который бы устроил обе стороны.

Ключевые слова: массовые политические преступления, беспорядки, следственные органы, российская бюрократия.

Введение

В 1926 г. М.М. Чернавский, участник демонстрации¹ 6 декабря 1876 г. на Казанской площади, описывая судебный процесс над манифестантами, отмечал, что «прокурор, которому поручили вести это дело, с первого шага очутился в затруднительном положении. Нужно было обвинять людей за деяние, которое уложением о наказаниях не предусмотрено. В уложении нет статьи, карающей за демонстрацию. Составители его, по-видимому, не подозревали о возможности такого явления» [Чернавский 1926: 18].

Действительно, это дело вызвало значительные затруднения у обвинительной власти и смятение в высших правительственных кругах. С 1860-х гг. в Российской империи различного рода массовые выступления стали частью политического ландшафта, и властям постоянно приходилось сталкиваться со студенческими выступлениями, демонстрациями и другими подобными акциями.

Алексей Андреевич Рубцов

Санкт-Петербургский институт
истории РАН /
Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
arubtsov@eu.spb.ru

¹ В 1870-е гг. демонстрация (как и манифестация) понималась как гласное заявление народом или собранием своих желаний и требований посредством устройства процессий, шествий, митингов, банкетов, служения панихид, подачи адресов, петиций и пр., имеющих целью произвести впечатление на правительство и общественность.

Массовый политический протест оставался относительно новым явлением, поэтому не было еще выработано ни твердых норм в отношении пресечения таких выступлений и наказания их участников, ни доминирующей интерпретации, которая могла бы убедительно объяснять происходящее общественности. Подобные «преступления» оказывались проверкой для новой политической системы, складывавшейся в пореформенной России. В новых условиях возникли и новые смыслы, которые вступали в конкурентную борьбу за объяснение происходящего, что приводило к конфликту возможных интерпретаций.

Последствием Казанской демонстрации 1876 г. стал политический процесс, но его возможность была обусловлена в том числе тем, как власти подходили к расследованию предшествующих выступлений и как это повлияло на уголовную политику в отношении подобных событий. Я рассмотрю два случая политически мотивированных «беспорядков». Первое выступление произошло во время гражданской казни Плотникова и Папина в мае 1875 г., второе — на похоронах Павла Чернышева в марте 1876 г. Несмотря на кажущуюся разницу двух событий, по сути это было различное оформление схожего содержания: участники демонстраций и в первом, и во втором случае выражали публичное сочувствие «жертвам» репрессивных действий государства. Тем самым для части представителей власти был очевиден их политический, а следовательно, «преступный» смысл. Главным отличием этих событий от Казанской демонстрации было то, что никто из участников не предстал перед судом и все разбирательства завершились на стадии дознаний. Причиной этого были разногласия, которые возникли в ходе расследований указанных двух дел у прокурора с представителями полицейской власти — петербургским градоначальником и шефом жандармов.

Эти вроде бы незначительные противоречия вскрывают важную проблему принятия решений властью в отношении деятельности левого радикального движения. В историографии широко обсуждается проблема «единства действий администрации» [Rieber 1978; Христофоров 2006; Ремнев 2010] в Российской империи, которая проявлялась на всех уровнях власти. Даже в политике в отношении революционного движения далеко не всегда можно было наблюдать единство в действиях различных ведомств, вовлеченных в решение данной проблемы. После судебной реформы особенно возросла роль представителей юстиции в ведении уголовных дел [Dahlke, Templar 2012; Antonov 2018]. Следовательно, появился ряд новых факторов, оказывавших влияние на политику в отношении как левого радикализма, так и общественной безопасности. Прокуроры

судебных палат, таким образом, стали принимать активное участие в конструировании революционной угрозы, предлагая свое видение политической ситуации. Эти конфликты не были признаком нестабильности политической системы. Я склонен воспринимать их как важную ее часть, которая позволяла находить наиболее приемлемые для сохранения стабильности решения и наиболее легитимные интерпретации политических событий. В условиях растущей гласности и вовлеченности общества в политические процессы оказывалось важным создавать убедительные и конкурентные объяснения происходящего, которые могли влиять на общественное мнение.

Разбирая случаи с демонстрациями середины 1870-х гг., можно увидеть, что правительство не всегда могло действовать прямолинейно в отношении дел, связанных с интересами государства. Усиление роли представителей судебной системы в пореформенное время привело к тому, что даже в решении проблем, возникавших из-за политических выступлений, административно-полицейской власти приходилось считаться с чинами судебного ведомства. Споры и аргументация вовлеченных в расследование сторон становились частью процесса формирования в среде чиновников представлений о политических преступлениях и общественной безопасности. Анализ возникших противоречий между представителями власти позволяет разобраться в том, как складывались позиции каждой из сторон и в какой момент возникало компромиссное соглашение относительно того, что следует считать однозначно «революционным» и угрожающим государству.

После преобразований 1864 г. и введения новых судебных уставов полномочия прокуратуры значительно расширились. При этом в судебных уставах не предусматривалось участие III отделения и жандармерии в расследовании политических дел. В связи с тем, что политический надзор и сбор сведений о неблагонадежных подданных находился в сфере компетенций III отделения, во время следствия постоянно происходило вмешательство смежных ведомств в действия друг друга, что приводило к конфликтам между ними. Для решения этой проблемы 19 мая 1871 г. были приняты «Правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», наделившие жандармов правом вести дознания по государственным делам. «Правила» должны были урегулировать взаимодействие министерства юстиции и корпуса жандармов в условиях растущего числа политических дел [Правила 1874; Казанцев 1987: 115; Краковский 2012: 103–120].

Данная мера, однако, не смогла разрешить конфликты между ведомствами, и вопросы общественной безопасности продол-

жали находиться в ведении нескольких учреждений, имевших различное представление как о самой проблеме общественной безопасности, так и о своих полномочиях. Это порождало две противоборствующие тенденции в политике властей. С одной стороны, власти непрерывно занимались регулированием введенных судебной реформой положений, для того чтобы расширить полномочия полицейских и административных органов. С другой стороны, такие условия, как введение судебных уставов, развитие гласного судопроизводства и рост нового поколения юристов, ориентированных на соблюдение законности, создавали ситуацию, когда судебным властям удавалось существенно корректировать политику государства в области общественной безопасности. Столкновение прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты и полицейских чиновников было обусловлено именно конфликтным взаимодействием двух логик восприятия и описания политических событий: логики полицейско-политической и юридической.

«Демонстрация политического характера»: маркеры политического в интерпретации полицейских властей

Более чем за полгода до выступления на Казанской площади, 30 марта 1876 г., в Петербурге произошла демонстрация на похоронах бывшего студента, подследственного по делу «о пропаганде в империи» Павла Чернышева. Осенью 1873 г. он поступил в Медико-хирургическую академию, а весной 1874 г. отправился «в народ» для пропаганды социалистических идей в Самарской губернии. 30 августа 1874 г. Чернышев был арестован за распространение запрещенной литературы и 17 сентября, после содержания в Москве, был доставлен в Петербург, в Дом предварительного заключения. 11 марта 1876 г. он был освобожден на поруки, а 13 марта помещен в клинику Виллие, где в ночь на 27 марта умер от чахотки. Смерть его вызвала резонанс в среде учащейся молодежи и радикальных кругов Петербурга, и похороны в итоге сопровождались демонстрацией.

Представители разных общественно-политических групп однозначно восприняли это выступление как политическое, содержащее радикальный антигосударственный протест. Министр государственных имуществ П.А. Валуев в своем дневнике записал: «В тот же день было здесь что-то вроде уличной демонстрации. Хоронили студента, содержавшегося под стражей по политическому делу и выпущенного на поруки. Его хоронила, т.е. сопровождала, толпа с внешними признаками нигилизма (т.е. стриженные женщины, длинноволосые мужчины и синие очки), назойливо и грубо требовавшая снятия шляп у встречаемых. На вопросы, кого хоронят, отвечали с указанием на арест

и причину ареста» [Дневник 1961: 349]. Сообщения о демонстрации, помещенные в заграничном русскоязычном революционном журнале «Вперед», также однозначно определяли ее как политическое выступление: «К арестам в разных городах России присоединились похороны Чернышева — то действительно большая и удавшаяся демонстрация <...>. Когда узнали о смерти его [Павла Чернышева. — А.Р.], то все заявили о необходимости воспользоваться похоронами Чернышева, чтобы открыто заявить свою солидарность с заключенными и сделать известным Петербургу и России последний варварский поступок правительства и жандармов» [Что делается на Родине 1876: 252].

Однозначно считывали политический смысл произошедшего и полицейские власти — полиция Петербурга во главе с градоначальником и Штаб корпуса жандармов. 31 марта градоначальник Ф.Ф. Трепов докладывал о демонстрации на похоронах студента Чернышева императору, а шеф жандармов А.Л. Потапов отправил министру юстиции П.А. Палену записку с описанием происшествия. В ней похоронная процессия и действия ее участников трактовались как имеющие признаки «противозаконного деяния». Используемые в записке свидетельства были переданы шефу жандармов от градоначальника, т.к. находившиеся в ведомстве последнего околоточные надзиратели и городовые оказались непосредственными свидетелями похоронной процессии.

В записке шефа жандармов А.Л. Потапова был перечислен ряд явлений, которые в его интерпретации позволяли говорить о политическом характере произошедшего. Ход процессии описывался следующим образом. Большинство участников демонстрации составляли студенты Медико-хирургической академии, в госпитале которой умер Павел Чернышев. Шедшие за гробом громко пели «Святые Боже», чем обращали на себя внимание прохожих. Перед Домом предварительного заключения, где содержался Чернышев, была совершена лития — краткое моление об усопших вне храма, обычно при выносе покойного из дома. Служение литии около Дома предварительного заключения объяснялось в записке тем обстоятельством, что это было последнее место проживания Чернышева. Затем процессия остановилась перед Домом судебных установлений, и несшие гроб, «как бы желая взять его ловчее», трижды приподняли его вверх. Далее, во время следования похоронной процессии по Выборгской стороне, при встрече с штабс-капитаном Подгаецким из толпы раздались восклицания: «Шапку долой!» Когда процессия добралась до Волковского кладбища, один из ее участников, «по-видимому, студент», обратился к остальным с речью, в которой говорил о высоких

нравственных качествах покойного Чернышева и приглашал жертвовать деньги на учреждение стипендии в память о «погибшем», но не указывал, на что такую стипендию следует употребить. После того как толпа разошлась, несколько лиц передали старосте могильщиков надпись для заготовленного креста: «Здесь погребено тело П. Чернышева. Умер 26 Марта 1876 г., от роду 26 лет. Мир праху твоему честный борец за Святое дело»¹ [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 1–3]. Записка шефа жандармов была составлена путем прибавления к случившемуся событию признаков, совокупность которых должна была продемонстрировать его сущность как «преступного» политического деяния. Внимание в записке было обращено на подозрительные, с точки зрения градоначальника и шефа жандармов, символические действия, указывавшие на политический характер происходящего.

По этому делу провели два дознания: первое, предварительное, было инициировано сразу после 30 марта по требованию градоначальника, второе, дополнительное, — в мае 1876 г. товарищем шефа жандармов Н.В. Мезенцевым, который оказался не удовлетворен результатами первого дознания. 18 мая 1876 г. появился исходивший от него документ, более обстоятельно разъяснявший подозрения Штаба корпуса жандармов и градоначальника относительно произошедшего на похоронах. По мнению Мезенцева, «распорядители похорон выказали особенное сочувствие к умершему, не как товарищу, а как лицу пострадавшему за свои политические убеждения» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 9об.]. На то, что похоронная процессия приняла именно такой характер, указывали, с точки зрения товарища шефа жандармов, следующие обстоятельства:

Мнение это подтверждается:

1. Проводами тела Чернышева на кладбище, который даже не был их товарищем, так как еще в 1874 году был исключен из Медико-Хирургической Академии, а из объяснения всех лиц, опрошенных при дознании, видно, что они даже не были знакомы с умершим <...>.

4. Желанием поместить на кресте надпись: «мир праху твоему честный борец за святое дело», — подобные слова как нельзя более указывают на причину, вызвавшую сочувствие к умершему, и цель, какую имели распорядители похорон.

Все эти факты вместе взятые, а также сокрытие лицами, распорядившимися похоронами, своих фамилий и присылка священнику денег за отпевание, при записке не только без обозначения фамилий, но написанной умышленно искаженным

¹ Здесь и далее пунктуация и некоторые особенности орфографии архивных источников сохранены.

почерком, не оставляют ни малейшего сомнения, что похоронами Чернышева распорядители желали сделать демонстрацию, как протест против его арестования [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 9об.–10].

Авторам двух приведенных записок наиболее подозрительными показались следующие обстоятельства. Во-первых, демонстративное исполнение религиозных обрядов в ходе похоронной процессии, пение «Святые Боже» и служение литии перед Домом предварительного заключения, что было ими расценено как нарушение общественного порядка. Если публичные похороны известных персон были уже устоявшимся явлением, то такие же проводы неизвестного молодого человека кардинально выбивались из общепринятых правил и вызывали резонанс. Во-вторых, свидетельства того, что все произошедшее было заранее спланировано неким кругом лиц, скрывших свои имена. Это косвенно указывало на то, что организаторы намеревались устроить политический акт и, осознавая его «противоправный» характер, постарались избежать наказания. И, в-третьих, просьба к служителям кладбища от неустановленных лиц сделать на кресте надпись, содержание которой указывало на политические мотивы организаторов и участников похорон Чернышева. Последние два обстоятельства, по мнению писавших, доказывали наличие одной из важнейших характеристик политического преступления — его намеренность, т.е. все подозрительные действия не были спонтанными выступлениями толпы. Наличие предварительного сговора было важным элементом юридической конструкции уголовных преступлений. Оно указывало, что участники действовали сознательно, а следовательно, «политически». Таким образом, авторы записок пытались подвести похороны Чернышева под определенную группу статей, интерпретаций и правоприменительных практик, что в совокупности направило бы дело в соответствующее русло. Часто политические дела не доходили до суда, а прекращались на стадии следствия за недостаточностью доказательств. В таком случае власти могли воспользоваться процедурой назначения административного наказания подозреваемым, отправив их в ссылку или установив полицейский надзор. Однако даже для такого рода дискриминационных мер все равно требовалось доказать наличие черт, указывающих на радикальный политический характер произошедшего.

Прочтения смысловых элементов демонстрации на похоронах у полицейских властей и представителей радикального оппозиционного лагеря были схожими. И те, и другие, несмотря на абсолютно различные политические взгляды, вкладывали один смысл в произошедшее, усматривая в нем революционное выступление. Символический смысл действий участников похорон

Чернышева как революционного акта описан исследователем Томом Трайсом [Trice 2001]. Форма похоронной процессии со священником, соответствующей обрядностью и пением молитв придавала видимую легитимность всему происходящему и снимала ответственность с участников акции¹. Уличное шествие становилось оправданным в глазах как его участников, так и наблюдавшей его публики, а также низших чинов полиции, которые оказались в замешательстве и не воспрепятствовали демонстрации. Кроме того, демонстративное использование официальных религиозных символов, приводившее к их инверсии, шествие протестующих по улицам столицы Российской империи становилось формой радикального вызова легальному порядку.

Высшие представители полицейской власти — градоначальник и шеф жандармов — восприняли этот вызов (в частности, символическое посягательство на имперский порядок) как угрозу. Именно городская полиция должна была надзирать за порядком и пресекать «запрещенные сходбища» [Устав 1876: 25–26] и таким образом не исполнила возложенных на нее обязанностей. Более того, произошедшее наносило серьезный урон репутации градоначальника, допустившего подобное в центре столицы. Оказавшись заинтересованным лицом, Ф.Ф. Трепов в ходе дальнейшего расследования активно вмешивался в производство дознаний, вероятно, с целью реабилитировать петербургскую полицию и показать, что он способен контролировать ситуацию в столице.

«Сходбища подозрительные»: демонстрации в системе имперских законов

Руководство корпуса жандармов и градоначальник смотрели на акцию на похоронах Павла Чернышева с полицейской точки зрения и считали очевидными политические мотивы участников, а следовательно, и «преступный» характер их действий. В их «полицейской» логике *политическое* было тождественно *преступному*. Отличной была позиция прокурора, который в новых условиях пореформенного судопроизводства ориентировался на «юридическую» логику. Согласно такому подходу преступность любого события должна была быть доказана отдельно, в установленном законом порядке. Таким образом, характеризующие событие факты прокурор должен был

¹ Н.З. Дэвис в статье «Обряды насилия» ставит вопрос о том, как толпа легитимизировала свои действия. В частности, присутствие должностных лиц — клириков или светских чиновников — вселяло в людей уверенность в законности совершаемых действий, даже массовых убийств [Дэвис 2006].

рассмотреть с точки зрения действующих правовых процедур и законов, устанавливая в процессе подготовки возможного обвинения прежде всего их юридическое значение. Действуя в данной парадигме, он должен был выяснить, было ли целью совершенных действий посягательство на государственный строй или на общественный порядок и, соответственно, могут ли они в совокупности относиться к уголовному преступлению политического характера.

В Петербургской судебной палате в 1876 г. должность прокурора занимал Э.Я. Фукс. Согласно воспоминаниям о нем современников, он был представителем нового типа судебных деятелей, руководствовавшихся «принципом уважения к закону» [Громницкий 1899; На развалинах 1906: 224–225; Кони 1909: 22; Случевский 1914: 226–228], а также тех принципов, которые историк Ричард Уортман объединил в понятие «правового сознания» [Уортман 2004].

31 марта 1876 г., как только начали появляться сообщения о произошедшем, Э.Я. Фукс поспешил сообщить министру юстиции свое мнение о невозможности открыть уголовное дело. Прокурор считал, что данное происшествие не заключало в себе признаков какого-либо преступления, и, если не будет обнаружено лицо, произносившее речь, это дело не привлечет внимания со стороны прокурорского надзора [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 6]. Выступление на похоронах было единственным действием, которое могло подпасть под статьи 246 или 252 действующего Уложения о наказаниях «о произнесении речей противоправительственного содержания» [Таганцев 1876: 160, 162]. Поэтому Фукс обращал внимание министра на то, что оратор не был сразу задержан, дальнейший его розыск казался затруднительным, а точные данные о содержании речи отсутствовали. Совокупность этих условий создавала ситуацию, когда указанные в записке шефа жандармов сведения невозможно было использовать в качестве доказательств в уголовном деле. Они оставались только маркерами политического характера происшествия, но не могли стать юридическими фактами, потому что из-за отсутствия в российском законодательстве соответствующих смысловых аналогов не было возможности перевести их на юридический язык.

В имперском политическом пространстве государство стремилось цензурировать любое высказывание и быть если не единственным, то главным производителем политических смыслов. Противоправительственные речи, дискредитировавшие власть, создавали новое поле смыслов, которое не устраивало государство, т.к. ставило под сомнение его легитимность. Такие выступления власти старались пресекать, но использовать ряд

инструментов в борьбе с протестным движением становилось все сложнее. В условиях пореформенного судопроизводства произнесение речи могло стать наказуемым, только если оно было зафиксировано по определенным правилам и попало в уголовное политическое дело. За это отвечали чины судебного ведомства, в частности прокуроры, которые были обязаны надзирать за соблюдением законности следственными и административными органами. Чтобы разобраться в позиции прокурора и логике его действий по делу Чернышева, стоит обратиться к материалам расследования, которые он вел годом ранее.

В мае 1875 г. при исполнении гражданской казни над государственными преступниками Н.А. Плотниковым и И.И. Папиным¹ несколько молодых людей устроили беспорядки. После обряда гражданской казни Плотников, уже сидя в карете, начал выкрикивать «возмутительные слова», в то время как «несколько лиц из публики бросались к карете и кричали: “пойдем вместе! все пойдем! куда нам идти!”» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 1–2]. Дознание велось «о прямом и резком выражении разными лицами сочувствия к возмутительным словам, которые государственный преступник Плотников кричал, во время произведения над ним в исполнения приговора» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 9]. Прокурору Петербургской судебной палаты было поручено провести предварительное расследование и выяснить обстоятельства случившегося. По результатам следственных мероприятий Фукс не нашел состава политического преступления в действиях молодых людей и привел следующие аргументы: «[В] показаниях всех лиц, бывших свидетелями происшествия, не имеется никаких данных, на основании которых можно бы было предполагать, что задержанные полицией² <...> или кто-либо другой из присутствующих при обряде казни, чем бы то ни было выражали свое сочувствие преступным возгласам Плотникова и тем представлялись соучастниками в его преступлении» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 12–13].

Содержание возгласов было выявлено на основании показаний свидетелей и, несмотря на отрывочность приведенных данных, следствие посчитало, что произносимое Плотниковым носило «противоправительственный характер» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 9]. С одной стороны, содержание речи свидетельствовало о том, что Плотников совершил преступление, опре-

¹ Оба были членами кружка А.В. Долгушина в Петербурге, арестованы за составление и распространение воззваний революционного содержания.

² Было задержано десять мужчин и три женщины [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 1].

деленное в «Уложении о наказаниях», и должен понести наказание. С другой — это был случай, не прописанный в законе и поэтому трудно определяемый с юридической точки зрения. На интерпретацию влияла и политическая / полицейская позиция, согласно которой произнесение речи и, главное, ее восприятие публикой могли стать факторами, объединяющими людей и толкающими их на совершение определенных действий. Произнесение речи превращало слушателей в соучастников преступления и создавало условия для беспорядков. Прокурор должен был описать суть произошедшего юридическим языком. Во время следствия необходимо было выяснить ответственность людей, присутствовавших при беспорядках, что подразумевало их соучастие, соответственно нужно было определить степень вовлеченности каждого в совершенное преступление.

В юридической практике второй половины XIX в. определение вины конкретного человека в преступлении, совершенном толпой, было делом крайне непростым. Этот сложный юридический вопрос многократно обсуждался специалистами [Жиряев 1850; Бернер 1865: 510–556; Будзинский 1870: 208–242; Лохвицкий 1871: 143–174], позднее обобщенные результаты дискуссий были представлены в диссертации военного юриста Д.Д. Бессонова. По его словам, с одной стороны, ученые правоведы утверждали, что «из понятия массового преступления следует, что ответственными за действия толпы являются не только непосредственно учинившие то или другое действие, но и все ее участники» [Бессонов 1907: X]. С другой — преступление толпы могло считаться преступлением коллективным, «но ответственность, согласно строго установившемуся правилу современного уголовного права, не может быть иной, как индивидуальной» [Бессонов 1907: 127]. Описанное Бессоновым противоречие проявилось в правоприменительной практике еще в 1870-е гг. Оказывалось невозможным судить людей за то, что они слушали речь, даже если были основания предположить, что их коллективные действия способствовали произнесению этой речи. Поэтому в рассматриваемом случае прокурор доказывал, что обстоятельства не позволили кому-либо из присутствовавших хорошо слышать речь Плотникова. Внимание полиции к людям, которые могли слушать речь, было обусловлено желанием найти потенциально неблагонадежных лиц. Полицейская власть, представленная прежде всего офицерами корпуса жандармов и чинами губернской полиции, пыталась найти маркеры, свидетельствовавшие о политической неблагонадежности, чтобы иметь возможность выделять таких подданных из общей массы и пресекать их действия любыми доступными способами.

С точки зрения судебной власти такой подход не мог быть поддержан ни действовавшими законами, ни господствовавшими

юридическими воззрениями. На этапе дознания, когда это процессуально еще было возможно, прокурору приходилось вести спор не только о юридических фактах, но и о содержании события как политического акта. Таким образом, судебная власть пыталась использовать в своей риторике и такие приемы, как доказательство отсутствия политического содержания в произошедшем событии, с целью убедить своих оппонентов в лице полицейско-административной власти. Вероятно, позиция последней могла выглядеть неубедительной для судебной власти, поскольку противоречила действующим законам, но значение полицейско-административных органов в государственной системе заставляло чины судебного ведомства считаться с их мнением и искать подходящие способы убеждения. Поэтому прокурор должен был доказать неполитический характер случившихся беспорядков.

По свидетельствам очевидцев, молодые люди не только реагировали на речь Плотникова, но и препятствовали движению кареты с государственными преступниками [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 1–2, 9об.–10]. Участники беспорядков могли быть осуждены на основании или «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [Лякуб 1877: 38–39], или «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [Таганцев 1876: 180–186]. Чтобы беспорядки подпадали под статьи уложения, они должны были иметь политический характер и включать действия, направленные на порицание власти, или сопротивление ее законным представителям [Таганцев 1876: 180–186]. Порицание власти можно было косвенно доказать, утверждая, что собравшиеся выражали сочувствие словам Плотникова, но прокурор отверг подобную трактовку событий, так как по существовавшим нормам судопроизводства их невозможно было облечь в юридическую форму. Он также опровергал, что собравшиеся сопротивлялись представителям власти. Это обстоятельство было важным для оценки массовых выступлений, потому что «внешним объединяющим признаком скопища, по Уложению, является также самый факт неповиновения, обращенному к скопищу требованию разойтись» [Бессонов 1907: 219]. Несколько позднее, в 1881 г., Г.Е. Колоколов в диссертации на степень магистра уголовного права суммировал мнения специалистов на счет соучастия в преступлении, существовавшие в 1870-е гг.: «В новейшее время в науке утвердился взгляд, по которому соучастие предполагает наличность умысла у каждого из действующих лиц и, кроме того, единение воли или попросту соглашение между ними» [Колоколов 1881: 42–43]¹.

¹ О том же писал Н.С. Таганцев: «Соглашение составляет коренное условие соучастия. Пока оно не доказано по отношению к каждому из лиц, привлекаемых к совместной ответственности, до тех

Прокурор, исходя из этих воззрений на конструкцию понятия «соучастие», указывал на отсутствие предварительного соглашения между задержанными, что свидетельствовало о случайном характере произошедшего.

На основании собранных свидетельств Э.Я. Фукс сделал вывод, что «совершенная же недоказанность произнесения Плотниковым каких-либо преступных выражений, имеющих характер выражений государственного преступления, в то время, как объявление ему приговора было окончено, очевидно, устраняет возможность признания за нарушением порядка, произведенным привлеченными лицами значения какого-либо государственного преступления» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 13]. Далее он пояснял, что, как было обнаружено, беспорядок был произведен без всякого предварительного сговора между участниками, без сопротивления властям, а у полиции даже не было необходимости в «предварительном приглашении» толпы разойтись. То есть ни один из вышеназванных признаков политического выступления, которое могло повлечь политическое наказание, прокурором не был установлен. На этом основании он заключал, что «означенный беспорядок подходит вполне под определение закона о нарушении общественной тишины, предусмотренном 1 п. ст. 38 уст. о наказ. налаг. миров. суд.» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 13]. Важно, что нарушение «общественной тишины» понималась как значительно меньшее, чем нарушение «общественного порядка», которое расценивалось как покушение на государственное преступление. Таким образом, прокурор выводил действия участников беспорядков из-под действия уголовных законов политического характера.

Однако в восприятии ряда чиновников это дело не утратило политического характера. В III отделении были недовольны заключением прокуратуры и составили следующую резолюцию: «Надо полагать, что министерство юстиции не разоидется с мнением прокуратуры, и поэтому останется лишь возможность принятия мер административного порядка к некоторым из бывших под арестом личностей, и III отделение полагает применить высылку из столицы к ним» [Беккер 1926: 71].

пор немыслимо и говорить о соучастии как о специальном типе виновности» [Таганцев 1880: 5]. В уголовных законах и правоприменительной практике вопрос о предварительном сговоре участников «сходбища» оказывался важным, так как утвердительный ответ на него обычно был одним из доказательств политического характера произошедших беспорядков. Тем не менее среди юристов существовали и другие мнения. Юрист из Дерптского университета А.С. Жиряев в 1850 г. писал: «От заговора этот вид участия существенно различается тем, что при нем соглашение воль нескольких преступников — необходимое для успешного действованиа в пользу одного и того же преступного замысла — происходит не *предварительно*, но уже при самом содеянии преступления [курсив мой. — А.Р.]» [Жиряев 1850: 105]. В этом отношении Жиряев солидаризировался с мнением немецких юристов — А. Бауэра, А.Ф. Бернера, К. Миттермайера и др.

Министр юстиции действительно в целом согласился с мнением прокурора, но не преминул уточнить: «[П]ринимая во внимание, что передача настоящего дела на публичное рассмотрение мирового суда представляется крайне неудобной по свойствам и характеру совершенного обвиняемыми проступка, я полагаю бы правильным прекратить его в судебном порядке»¹ [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 17об.]. У министра вызывало опасение, что общественность может сама приписать этому делу политический характер, тем самым подвергнув критике действия властей.

Дело «о беспорядках при производстве публичной казни Плотникова и Папина» иллюстрирует ряд тенденций в поведении прокурора и полицейских властей и, главное, раскрывает суть их действий. Расследование дела «о демонстрации на похоронах Павла Чернышева» было еще менее перспективным в смысле судебного следствия. Не было задержано никого, кому можно было предъявить хоть какие-то обвинения, и это не позволяло развивать дело дальше. Форма демонстрации не позволяла властям выяснить позже, кто был ее участником, все оставалось на уровне подозрений. Тем не менее такие попытки предпринимались, в первую очередь со стороны градоначальника. Шла борьба за убедительные доказательства и их опровержение конкурентным ведомством. Эту борьбу еще можно было вести на уровне дознания.

«Основано на общих слухах»: доказательства в системе определения вины участников демонстраций

В 1855 г. в Дерпте вышла книга известного в середине XIX в. российского юриста А. Жиряева, в которой разбирались значение улик в уголовном расследовании. Во введении к первой главе автор указывал, на что должна быть направлена работа судебно-следственных органов: «Все многообразные действия, предпринимаемые следователем и судьей до постановления уголовного приговора, направляются к одной и той же цели, именно: к получению достаточного удостоверения в существовании или несуществовании тех данных, из которых слагается понятие об известном преступлении, и того отношения, по которому известное лицо должно быть признано его виновником» [Жиряев 1855: 27]. К середине XIX в. у юристов сложилось четкое представление, что доказательства, собранные согласно установленным правилам, являются основой для «правильного» представления о событии. Именно фильтрацией фактов через юридическую призму и занялась петербургская прокуратура,

¹ Возможно, здесь описка, имелось в виду «в административном порядке».

когда в мае 1876 г. ее обязали провести повторное дознание по делу о демонстрации на похоронах Чернышева.

Прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты оставался непреклонен и в последнем своем представлении по результатам повторного дознания. Он продолжал настаивать на том, что «ни первоначальным, ни дополнительным дознаниями не раскрыто, чтобы похороны дворянина Чернышева сопровождалась какими-либо действиями, заключающими в себе признаки одного из преступлений, предусмотренных разделом III¹ Уложения о наказ.» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 24]. Градоначальник же на протяжении двух проводившихся дознаний предоставлял начальнику Петербургского губернского жандармского управления (далее ГЖУ) подполковнику В.И. Оноприенко, который занимался расследованием, сведения о лицах, якобы принимавших участие в организации и проведении демонстрации. При этом ни жандармов, проводивших дознания, ни прокурора, надзиравшего за следствием, собранные градоначальником сведения не удовлетворяли.

Согласно «Правилам о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений», принятым 19 мая 1871 г., жандармские офицеры стали единственными лицами, уполномоченными проводить следственные действия по государственным преступлениям. Прокурор судебной палаты, на территории которой проводилось следствие, обязан был надзирать за действиями жандармов, проверяя их на соответствие принятым законам. Чины же полиции должны были содействовать в расследовании государственных преступлений уполномоченным на то органам, т.е. жандармам и прокурорам судебных палат. Возникла сложная ситуация, когда, подчиняясь Штабу корпуса, жандармские офицеры оказывались в зависимости от более опытных и юридически грамотных прокуроров. Вероятно, по этой причине начальнику Петербургского ГЖУ Оноприенко в ходе следствия пришлось занять позицию прокурора как юридически более правильную, а не градоначальника или даже своего непосредственного начальства в лице командира корпуса и его товарища.

Градоначальник Санкт-Петербурга в этой системе имел определенную независимость. Несмотря на то что подчиненная ему полиция по закону не могла заниматься самостоятельным расследованием политических дел, особый статус петербургского градоначальника позволял ему чувствовать себя в отношении других ведомств, занимавшихся правоохранительной деятельностью, относительно свободно. Поэтому он постоянно старался

---

¹ Раздел III «О преступлениях государственных».

продемонстрировать свою независимость, вмешиваясь в проводившееся следствием расследование. В ответ на один из отзывов Оноприенко по поводу предоставленных сведений Трепов писал: «Так как из упомянутого отзыва Вашего видно, что обстоятельства погребения Чернышева еще не выяснены окончательно, то мною было поручено Секретному отделению собрать, насколько представляется возможным, дополнительные по этому предмету сведения» [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 30об.]. Тем самым Трепов показывал свое независимое положение по отношению к следственным органам, упрекая их в недостаточном усердии при поиске «преступников» и фактически беря на себя те следственные функции, которых по закону он и подчиненная ему полиция были лишены [Мордухай-Болтовской 1875: 159–161].

Отношение начальника петербургского жандармского управления к методам работы полиции и аргументации градоначальника отразилось в пометах на документе, составленном в канцелярии градоначальника и содержащем собранные секретным отделением петербургской полиции сведения. «Сведения о том, что погребением Чернышева распоряжались студенты Императорской Медико-Хирургической Академии: Никольский, Бельский, Покровский (который именно из пяти студентов, носящих эту фамилию, неизвестно) и Алексеевский — основано было на общих слухах»¹ [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 30] — на протяжении всего текста ссылки на то, что собранные сведения основаны на слухах, были подчеркнуты. Это означает, что для жандармского офицера было важным отметить именно этот характер собранных полицией данных.

Прокурор явно выражал свое недоверие к добытым подобным путем сведениям. Как уже было сказано, он изначально сомневался в перспективах расследования этого дела. В переписке с подполковником Оноприенко товарищ прокурора указывал, что «для привлечения кого-либо из лиц, названных полицией во время первоначального производства дознания, в настоящее время не представляется оснований, так как не только при дополнении не обнаружено никаких новых данных, уличающих кого-либо из них, но кроме того при этом дополнении выяснилось, что самое первоначальное указание было основано на одних слухах в подкреплении которых полицией не предоставлено каких-либо доказательств» [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 42об.]. Товарищ прокурора последовательно подвергал

¹ Обычные подчеркивания — принятое в следственных документах выделение фамилий подследственных для упрощения прочтения дела чиновниками. Жирные подчеркивания (в оригинале это синий карандаш) — пометки тех частей в деле, на которые жандармский офицер при чтении обращал наибольшее внимание.

критике представленные полицией показания о Покровском, Бельском, Никольском и других лицах, на которых указывал Трепов. Поэтому, продолжал товарищ прокурора, «данные, вновь сообщенные г. Градоначальником в ответе его за № 7384, не могут быть признаны достаточными для привлечения в качестве обвиняемых кого-либо из названных в этом отзыве лиц, так как не только указания эти основаны также на одних общих слухах, но при том сведения, сообщенные относительно Сергея Шапошникова и Фетисова, положительно не согласны со всеми данными, собранными дознанием» [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 43].

В своем заочном споре с градоначальником прокуратура стремилась продемонстрировать, что, в то время как собранные полицией сведения основаны на слухах, доказательства, полученные в ходе дознания, более весомы, т.к. основаны на показаниях свидетелей. Последние с юридической точки зрения имели наибольший вес в системе доказательств, в то время как к слухам следователям рекомендовалось относиться осторожно, так как они считались ненадежными источниками информации. Защищая свою позицию, товарищ прокурора активно использовал свидетельские показания прежде всего двух допрошенных лиц: Александра Фетисова, который якобы был участником демонстрации, и Михаила Добровольского, являвшегося свидетелем произошедшего выступления, так как он служил псаломщиком в церкви, где отпевали Чернышева. В документах, исходящих из канцелярии градоначальника, Фетисов обвинялся в том, что дирижировал хором, спонтанно образовавшимся из участников похоронной процессии во время ее движения по улицам Петербурга. Прокурор использовал его показания, чтобы опровергнуть активное участие самого Фетисова и его товарищей в демонстрации, а свидетельства Добровольского как стороннего наблюдателя — чтобы доказать отсутствие преступных намерений в действиях участников похорон.

Из-за отсутствия явных доказательств того, что кто-то из привлеченных к дознанию лиц готовил демонстрацию, следствие не могло предъявить им явных обвинений. То есть не было главной составляющей дела — обвиняемых. Тем не менее в деле оставались представленные градоначальником и шефом жандармов факты, которые указывали на политический, а следовательно, преступный характер демонстрации, произошедшей во время похоронной процессии. Поскольку прокуратура была заинтересована в прекращении расследования этого дела, ей нужны были доказательства того, что действия подозреваемых не имели политического значения. Это позволило бы настоять на закрытии дела как не содержавшего состава преступления.

В протоколе допроса Добровольского, на который ссылался товарищ прокурора, а затем использовал и сам прокурор в своем представлении министру юстиции [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 21], указывалось, что допрашиваемый рядом с человеком, который показывал дорогу похоронной процессии, «не видел других лиц», что этот человек, указывая дорогу, вел себя спокойно. Фразу «шапку долой» слышал возможно раза два или три, но из толпы, и слова эти произносились громко, но их нельзя было назвать криком, нарушавшим порядок похорон. Молитвы эти пелись не правильно образованным хором, а, как мне казалось, в них принимали участие совершенно разные лица из числа находившихся на похоронах. Распорядителя пением из числа публики не было, и это я утверждаю положительно, так как я сам указывал певшим молитвы по бывшему со мной требнику» [ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–33об.]. Эти показания опровергали утверждение, что похороны были заранее подготовлены и во время их проведения производились действия, нарушавшие порядок.

Сам прокурор высказывал следующее мнение: «Справедливость заставляет прибавить, что самый процесс <...> действительно не заключал в себе таких признаков, которые бы должны были вызвать со стороны полиции какие-либо особые меры надзора или даже вмешательства. Ни нарушения общественной тишины, ни резких столкновений с посторонней публикой или полицией, ни нарушений полицейских правил — участвовавшие в процессе себе не позволяли во время шествия по городским улицам. Процесс если и обращал на себя внимание то только численностью публики и качеством ее, так как состояла из нескольких сот молодых людей обоего пола, принадлежащих большей частью к воспитанникам высших учебных заведений, да разве еще общим пением похоронных молитв» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 24об.–25]. Далее товарищ прокурора утверждал, что подобные похоронные процессии происходили в среде учащейся молодежи постоянно, всегда были многолюдными, сопровождалась пением молитв и не несли ничего противозаконного. Он также настаивал, что «толпа молодежи отнеслась вполне безусловно к таким стремлениям [некоторых лиц выразить политический протест во время похорон. — А.Р.] и в действиях своих руководствовалась не преступными соображениями, а простым участием к судьбе умершего бывшего своего товарища» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 25об.].

Таким образом, прокуратура пыталась убедить своих оппонентов в лице градоначальника и шефа жандармов, что произошедшее не имело характера преступного деяния, в связи с чем данное дознание следует прекратить. Однако дело было закрыто только через три года. В 1879 г. в межведомственной пере-

писке вдруг снова возник вопрос о прекращении этого дела в связи с отсутствием лиц, которых можно привлечь к дознанию. К этому времени позиции шефа жандармов и министра юстиции занимали другие люди, не участвовавшие в расследовании той демонстрации, они согласились с таким решением, и дело было окончательно закрыто [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 17–18, 19].

Заключение. «Государь Император Высочайше повелеть соизволил»: принятие решений по политическим следственным делам

Разногласия следственных органов относительно характера произошедших выступлений демонстрируют сложный процесс, в ходе которого складывался образ революционного движения. Этот образ был крайне важным в структуре представлений имперской бюрократии, так как влиял и на принятие ряда государственных решений, и на политику общественной безопасности. Политические преступники должны были выглядеть достойными противниками власти, а коллективный портрет революционного движения — убеждать общественность, что государству необходимо с этой угрозой бороться¹. Таким образом, конфликт ведомств был своего рода проверкой различных трактовок, а прокуроры оказались важными акторами, влиявшими на конструирование революционной угрозы, внося свои представления о политической ситуации.

Исход двух описанных выше дел был различным. Судьба пятерых из тринадцати участников беспорядков при исполнении гражданской казни над Плотниковым и Папиным решилась следующим образом. Император повелел принимавших участие в беспорядках и уже известных ранее «своей неблагонадежностью в политическом отношении» людей выслать под надзор полиции, «преступление же Плотникова, послужившее поводом к демонстрации, за понесенным им наказанием, оставить без последствия и дело по сему прекратить. Во исполнение такового Высочайшего повеления, мною сделано сношение с г. Министром Внутренних Дел о высылке под надзор полиции пятерых из вышепомянутых лиц, известных уже своею неблагонадежностью» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. Л. 21–22].

Министр юстиции по соглашению с начальником III отделения 2 марта 1879 г. поручил прокурору петербургской судебной палаты прекратить дело об «обстоятельствах, сопровождавших похороны дворянина Чернышева» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74.

¹ Подобный подход начинал складываться в Средневековье, когда происходил переход к практике инквизиционного судебного процесса. См. об этом: [Тогоева 2006].

Д. 7399. Л. 35]. В черновой проект всеподданнейшей записки попало объяснение из рапорта товарища прокурора о причинах такого многочисленного собрания, которое заключалось в том, что среди студентов-медиков распространен «строго соблюдаемый ими обычай» провожать тела умерших товарищей [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 39–39об.]. Проект содержал и ссылки на показания Добровольского и священника Рождественского о том, что число присутствовавших не превышало обычного количества людей, приходящих на подобные похороны [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 39об.]. Таким образом, практически все доводы прокурора приводились во всеподданнейшей записке [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 39–42]. «В виду изложенного, и принимая во внимание, что дознанием по настоящему делу не обнаружено никаких фактов для обвинения лиц, участвовавших в похоронной процессии Чернышева, в намерении произвести какую-либо демонстрацию политического характера я, согласно с мнением генерал-адъютанта Мезенцева, полагаю бы дальнейшее производство по сему делу прекратить. На приведение такового предположения моего в исполнение, всеподданнейше испрашиваю Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение» [РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. Л. 43–43об.]. По сути, дело о демонстрации на похоронах, пройдя через фильтры юридического поля, приобрело совершенно иное значение. Практически никто не понес никакого наказания за участие в демонстрации.

Судебная реформа и ряд других существенных перемен, произошедших в России в 1860–1870-е гг., создали пространство, в котором стала возможна относительно легитимная борьба мнений и позиций. Такие новые явления, как массовый политический протест, стали обсуждаться различными властными акторами, имевшими разные точки зрения на то, как необходимо выстраивать политику в отношении оппозиционных движений. Оба описанных события, беспорядки во время гражданской казни Плотникова и Папина и демонстрация на похоронах Павла Чернышева, включали ряд элементов, которые позволили сторонам, участвовавшим в процессе расследования и принятия решений, создавать и отстаивать различные трактовки событий. Совсем иначе сложилась судьба участников Казанской демонстрации, которые были преданы суду, а некоторые получили суровые наказания. Доведение дела до суда свидетельствовало, что все стороны процесса признают политический и революционный смысл произошедшего и готовы не только передать дело в суд, но и представить общественности. Казанская демонстрация сопровождалась явным сопротивлением полиции, были задержаны лица, предположительно участвовавшие в беспорядках, все необходимые сведения для

обвинения были собраны, поэтому политический, «преступный» характер произошедшего был очевиден всем ведомствам.

Разногласия между судебными и полицейскими органами можно свести к следующему. Для первых соблюдение закона в ходе расследования оказывалось еще и вопросом, связанным с легитимностью власти в новых пореформенных условиях. Если позиция обвинения была слабой, что вскрывалось на суде, это могло привести к печальным последствиям для власти и стать вызовом ее легитимности. Фактически судебные деятели, поддерживая принцип законности, охраняли государственную власть, видя в этом новые основания для безопасности государства. В соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. составлять обвинительный акт и поддерживать обвинение в суде по государственным преступлениям должны были прокуроры судебных палат, обер-прокуроры Сената, министр юстиции и его товарищ. В 1878 г. в ходе судебного процесса по делу Веры Засулич обвинителя К.И. Кесселя упрекали в слабой позиции обвинения на суде, что стало одной из причин оправдания Засулич [Борисова 2015]. Таким образом, чиновники министерства юстиции оказывались ответственны за ту структуру обвинений и интерпретаций, которая в условиях гласности выносилась на суд общественности. Даже при решении дела административным порядком вердикт государя должен был содержать основания законности, за что и отвечало министерство юстиции в происходивших спорах. В то же время полицейские органы иначе видели свою миссию по охране безопасности и законности: они отвечали за соблюдение порядка и благочиния на улицах города и действовали административными методами для предотвращения любых посягательств. По сути, перед нами два подхода к определению политической угрозы. Конфликт между двумя институтами власти одновременно оказывался поиском компромисса, который бы устроил обе стороны и уравновесил их точки зрения. К тому времени, когда дело доходило до императора, оно уже представляло результат определенного соглашения, родившегося в конфликте ведомств.

Список сокращений

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГИА — Российский государственный исторический архив

Архивные материалы

ГАРФ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Дознание о политической демонстрации во время похорон студента медика Чернышева Павла в Петербурге 30 марта 1876 года. 1876 г.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 73. Д. 7535. О беспорядках, бывших при исполнении обряда публичной казни над Плотниковым и Папиным. 1875 г.

РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7399. О демонстрации политического характера при похоронах дворянина Чернышева. 1876–1878 гг.

Источники

Беккер И. Демонстрация долгушинцев на Конной площади (по архивным материалам) // Каторга и ссылка: Историко-революционный вестник. 1926. Кн. 23. С. 66–77.

Бернер А.Ф. Учебник уголовного права: части общая и особенная: В 2 т. СПб.: Тип. Н. Тиблена, 1865. Т. 1: Часть общая. 916 с.

Бессонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: Дис. / Александровская воен.-юрим. академия. СПб.: Типо-лит. К.Л. Пентковского, 1907. XII+480 с.

Будзинский С. Начала уголовного права. Варшава: Тип. И. Яровского, 1870. XII+362 с.

Громницкий М.Ф. Из прошлого // Русская мысль. 1899. № 2. С. 50–71.

Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2: 1865–1876 гг. 588 с.

Жиряев А.С. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении: Соч. ... маг. уголов. права. Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1850. 147 с.

Жиряев А. Теория улик: Соч. ... д-ра юрид. наук. Дерпт: Тип. Г. Лаакманна, 1855. 214 с.

Колоколов Г.Е. О соучастии в преступлении (о соучастии вообще и о подстрекательстве в частности). М.: Имп. Московский ун-т, 1881. IV+211 с.

Кони А.Ф. Из заметок и воспоминаний судебного деятеля // Русская старина. 1909. Кн. 1. Январь. С. 14–29.

Лохвицкий А. Курс русского уголовного права. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шрейера, 1871. IV+704+VI с.

Лякуб П.М. (сост.). Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: с пояснением текста, доп. всеми вышедшими до 1877 г. узаконениями, по решениям Уголовного кассационного деп. с 1866 по 1876 г. Пенза: Изд. П.М. Лякуба, 1877. VIII+207 с.

Мордухай-Болтовской В.П. (сост.). Сборник узаконений для руководства чинов полиции и корпуса жандармов при исследовании преступлений по судебным уставам 20 ноября 1864 года и правилам, высочайше утвержденным 19 мая 1871 года. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1875. XII+295 с.

На развалинах гласного суда. Из воспоминаний женщины-стенографа конца 60-х и 70-х годов // Вестник Европы. 1906. Т. 4. С. 220–241.

[Правила 1874] Высочайше утвержденные правила о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2. СПб.: Тип. 2 отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1874. Т. 46. Отд. 1. Ст. 49615. С. 591–593.

Случевский В.К. Из первых лет жизни Судебных уставов // Журнал министерства юстиции. 1914. № 9. С. 221–234.

- Таганцев Н.С. (сост.). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1 янв. 1876 г. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1876. 726+X с.
- Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права: Часть общая. Кн. 1: В 3 т. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1880. Вып. 3: Соучастие в преступлении. 174+IV с.
- Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб.: Тип. 2 Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1876. 72+21 с. (Свод законов Российской империи. Т. 14).
- Чернавский М.М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. По воспоминаниям участника // Каторга и ссылка. 1926. № 7–8. С. 17–27.
- Что делается на Родине. Из Петербурга // Вперед: Двухнедельное обозрение (год второй). 1876, 1 мая (19 апр.). С. 251–253.

Библиография

- Борисова Т. «Необходимая оборона общества»: язык суда над Засулич // Новое литературное обозрение. 2015. Т. 5. № 135 (5). С. 101–118.
- Дэвис Н.З. Обряды насилия // Кром М., Сэбиан Д., Альгази Г. (ред.). История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб.: Алетейя, 2006. С. 129–135.
- Казанцев С.М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века // Карпачев М.Д., Коротких М.Г. (отв. ред.). Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. С. 114–121.
- Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX — начале XX в. М.: Юрист, 2012. 733 с.
- Ремнев А.В. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX — начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 510 с.
- Тогоева О.И. «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. М.: Наука, 2006. 331 с.
- Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: НЛО, 2004. 515 с.
- Христофоров И.А. В поисках единства: административные преобразования в контексте Великих реформ (1850–1870-е гг.) // Байгузин Р.Н. (отв. ред.). Административные реформы в России: история и современность. М.: РОССПЭН, 2006. С. 177–219.
- Antonov S. Russian Capitalism on Trial: The Case of the Jacks of Hearts // Law and History Review. 2018. Vol. 36. No. 1. P. 35–76.
- Dahlke S., Templer B. Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow District Court (1874) // Cahiers du Monde russe. 2012. Vol. 53. No. 1. P. 95–120.
- Rieber A.J. Bureaucratic Politics in Imperial Russia // Social Science History. 1978. Vol. 2. No. 4. P. 399–413.
- Trice T. Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876–1878 // Slavic Review. 2001. Vol. 60. No. 1. P. 50–74.

From Unrest to Demonstrations: The Policy of the Russian Authorities Regarding Mass Political Actions of the Radical Youth of the 1870s

Aleksei Rubtsov

St Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya Str., St Petersburg, Russia
European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
arubtsov@eu.spb.ru

The paper discusses the formation of ideas of the imperial bureaucracy about the revolutionary movement of the 1870s. This issue is being investigated through the prism of the attitude of investigative bodies to mass political actions. These acts were a relatively new phenomenon and therefore largely unexpected for the authorities in the political space of the Russian Empire. In this regard, the formation of a unified strategy in relation to such manifestations was accompanied by a series of disputes and conflicts between the departments involved in the investigation. The author analyzes, on the one hand, the positions of officials of the prosecutor's office—which earned a new status after the reform of 1864—and police officials on the other. Particular attention is paid to elucidating the role of prosecutors in shaping public policy regarding the radical movement, since the importance of legality as a factor in the imperial political system has been strengthened in the context of reformed proceedings. In the end, the study concludes that the conflict between departments involved in ensuring public security arose in conditions when a largely legal struggle of opinions in power became possible. Moreover, the conflict between the two institutions of power turned out to also be a search for a compromise that would suit both sides.

Keywords: mass political crime, unrest, investigative authorities, Russian bureaucracy.

References

- Antonov S., 'Russian Capitalism on Trial: The Case of the Jacks of Hearts', *Law and History Review*, 2018, vol. 36, no. 1, pp. 35–76.
- Borisova T., "Neobkhodimaya oborona obshchestva": yazyk suda nad Zaslulich' ["The Necessary Defense of Society": The Language of the Zaslulich Trial], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2015, vol. 5, no. 135 (5), pp. 101–118. (In Russian).
- Dahlke S., Templer B., 'Old Russia in the Dock: The Trial against Mother Superior Mitrofaniia before the Moscow District Court (1874)', *Cahiers du Monde russe*, 2012, vol. 53, no. 1, pp. 95–120.

- Davis N. Z., 'The Rites of Violence: Religious Riot in Sixteenth-Century France', *Past and Present*, 1973, no. 59, pp. 51–91.
- Kazantsev S. M., 'Prokurorskiy nadzor za organami doznaniya i sledstviya po politicheskim delam v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka' [Prosecutor's Supervision over the Bodies of Inquiry and Investigation of Political Affairs in Russia in the Second Half of the 19th Century], Karpachev M. D., Korotkikh M. G. (eds.), *Gosudarstvennyy stroy i politiko-pravovye idei Rossii vtoroy poloviny XIX stoletiya* [The State System and Political and Legal Ideas of Russia in the Second Half of the 19th Century]: Interuniv. collection of scientific papers. Voronezh: Voronezh University Press, 1987, pp. 114–121. (In Russian).
- Khristoforov I. A., 'V poiskakh edinstva: administrativnye preobrazovaniya v kontekste Velikikh reform (1850–1870-e gg.)' [In Search of Unity: Administrative Transformations in the Context of the Great Reforms (1850s–1870s)], Bayguzin R. N. (ed.), *Administrativnye reformy v Rossii: istoriya i sovremennost* [Administrative Reforms in Russia: History and Modernity]. Moscow: ROSSPEN, 2006, pp. 177–219. (In Russian).
- Krakovskiy K. P., *Politicheskaya yustitsiya v Rossii vo vtoroy polovine XIX — nachale XX v.* [Political Justice in Russia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century]. Moscow: Yurist, 2012, 733 pp. (In Russian).
- Remnev A. V., *Samoderzhavnoe pravitelstvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiyskoy imperii (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka)* [Autocratic Government: Committee of Ministers in the System of Top Management of the Russian Empire (Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Century)]. Moscow: ROSSPEN, 2010, 510 pp. (In Russian).
- Rieber A. J., 'Bureaucratic Politics in Imperial Russia', *Social Science History*, 1978, vol. 2, no. 4, pp. 399–413.
- Togoeva O. I., "Istinnaya pravda": *yazyki srednevekovogo pravosudiya* ["Verifiable Truth": Languages of Medieval Justice]. Moscow: Nauka, 2006, 331 pp. (In Russian).
- Trice T., 'Rites of Protest: Populist Funerals in Imperial St. Petersburg, 1876–1878', *Slavic Review*, 2001, vol. 60, no. 1, pp. 50–74.
- Wortman R. S., *The Development of a Russian Legal Consciousness*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1976, XI+345 pp.